

Исключить.

ПРОИСХОДИТ нечто странное, не поддающееся на первый взгляд никакому разумному объяснению. Люди, которые выступают вроде бы как единомышленники Валентина Овечкина — как продолжатели его многотрудной борьбы за одностороннюю партийную правду, за социалистическую справедливость и демократию, неожиданно обрушиваются на «Районные будни». Они обвиняют их автора в лакировке действительности, в том, что он изобразил ее не такой, какой она была на самом деле, а такой, какой ему хотелось бы ее видеть. Более того, ему инкриминируют... приспособленчество. Судите сами.

В статье «Районные будни». К тридцатилетию выхода в свет («Новый мир», № 12, 1986) А. Стреляный замечает: «Книга, кажется теперь, создавалась не только Овечкиным-писателем, но и Овечкиным-редактором. Это было образцовое, братское содружество. Начиная работу в 1952 году, еще при жизни Сталина, они, писатель и редактор, молчаливо условились: книгу делаем не в стол, а для печати. Умный издатель должен будет сразу увидеть, что неприятностей она ему не причинит» — вот, оказывается, чем руководствовался Овечкин, противопоставляя Борзову, Масленикову и иже с ними — Мартынову, Долгушину, Оленкину и их соратников.

Для тех, кто хорошо знал Валентина Владимировича, кому довелось не просто встречаться, а общаться с ним, обвинения такого рода звучат как кощунство, как оскорбление памяти писателя. Всю свою жизнь он был непримиримым борцом за правду. Он органически не переносил ни малейшего отступления от нее, самой, казалось бы, пустяковой неточности. Сурово обличал он дельцов от литературы, «исправлявших» свои произведения на удобный проработочной критике лад. Не потому ли почти все, что он писал, пробивалось к печатному станку буквально с боем? Всезнающие столичные критики забраковали его довоенные колхозные рассказы на том основании, что их автор, который был председателем колхоза, плохо знаком с... колхозной жизнью. А беда заключалась в том, что она изображена была далеко не идилически, как тогда требовалось. Его замечательную повесть «С фронтовым приветом» за остро критическое изображение тыловых бюрократов заклеили как «вражеское творение». Автора сняли с работы и собирались исключить из партии. Если бы не вмешательство А. Фадеева, вряд ли удалось бы тогда спасти В. Овечкина и — тем более — опубликовать его повесть.

«Урок» не пошел ему впрок. За прямооткровенность, с какой он рассказывал о бедах колхозного (да и не только — колхозного!) строительства, об антипартийном стиле руководства, очерк, которым начинался его цикл «Районные будни», изъяти из «Курского альманаха», а самому писателю настоятельно рекомендовали — «для его же блага» — и не пытаться печатать его. Он не прислушался к совету. Но что-то не нашлось ни одного «умного редактора», который отважился бы взять на себя ответственность за публикацию чересчур уж острой книги. Решился — и то не так просто — только А. Твардовский. Мой ифлийский товарищ — А. Кондратович, тогдашний заместитель А. Твардовского в «Новом мире», рассказывал о своем первом впечатлении от чтения овечкинской рукописи: «Страшные вещи ты говоришь, Петр Илларионович, — ответила задумавшаяся Марья Сергеевна» — читал я в овечкинском очерке, и мне так же, как жене Борзова, Марье Сергеевне, становилось страшно-важно, только уже по другой причине: разве такое можно напечатать?». А ведь был он по-настоящему смелым человеком: фронтовик! «Правда в этом очерке была», — писал А. Кондратович в воспоминаниях, — «сухая, густая, бьющая прямо в душу, да, горькая — ничего не скажешь, — но зато и целительная».

Правда!! Так миллионы читателей В. Овечкина думали до недавнего времени. Но нам «разъяснили»: правда, конечно, есть, но припудренная, прикрашенная ложью. Да в чем она, ложь-то? Оказывается, иные из нынешних «молодых» литераторов не верят в реальность существования Мартыновых и Долгушинных в овечкинские времена, тем более — в их способность одерживать победы над борзовыми. Борьба В. Овечкина с борзовщиной вдохновила молодого драматурга А. Буравского на инсценировку повести «Районные будни» — «Говори...». Однако Мартынов в его инсценировке — не овечкинский. Тот был стоек, непримирим, принципиален. А у А. Буравского Мартынов не в состоянии противиться давлению сверху и вот уже неслучайно для самого себя совсем «по-борзовски» нажимает на людей, давит на них. А Стреляный же в своей статье нажимает что есть сил уже

на самого В. Овечкина: «сочиняя» Мартыновых, которые одерживают верх над Борзовым, он повинен в «литературном самогубстве». Ни больше, ни меньше. Цитирую дословно: «Наблюдая за тем, как старательно Овечкин обкатывает каждый свой булыжник и обкладывает подушками острые углы своих монолитов, как ловко он делает вид, что ничего особенного не совершает, а лишь следует за нашей жизнью, в которой все и всегда кончается хорошо, иногда можно было бы и улыбнуться той или иной из его хитростей. Можно было бы... Если бы только не так явственно тут пахло кровью — кровью литературного самогубства». Непонятно все же, откуда такая жестокая неприязнь к писателю, который для нас являлся всегда, при всех обстоятельствах, рыцарем правды?

Наверное, я бы так и остался при своем недоумении, если бы не статья Варжавана Варжапетяна «Штрихи к прошлому на фоне современности» («Литературное обозрение», № 6, 1987). По его мнению, в «Районных буднях» «происходят вещи неслыханные: первого секретаря райкома Борзова снимают за зажим критики, инструктора обкома выгоняют как перестраховщика, недостойных партийцев в три

билетом именно «за самодурство и грубый зажим критики»! Были прототипы и у Масленикова, и у других отрицательных персонажей. Были они, само собой разумеется, и у положительных героев. «В разных местах и от разных людей в Курской области мы слышали категорическое: «Долгушин — это...». Нам называли одну и ту же фамилию — директора одной МТС во Львовском районе, человека с «долгушинскими» биографией и характером». У директора Рыльской МТС Г. М. Крикунова В. Овечкин взял для образа Глотова «своеобразные методы борьбы против «механики сева для сродки», основные черты биографии и характера». Образ передового председателя колхоза «Власть Советов» Демьяна Опенкина вообрал в себя «лучшие черты характеров нескольких живых людей — колхозных председателей: С. Р. Усаченко, Н. П. Кошмана, Ф. П. Максимова (Курская область)». Сложнее — с Мартыновым: его образ более, чем другие, собирательный. «Есть в образе Мартынова что-то от бывшего секретаря Курского обкома партии П. И. Доронина, который «еще до известного постановления ЦК о посылке в деревню тридцати тысяч коммунистов-организаторов начал в области перестановку кадров в духе «мартынов-

«Районных будней» автор завершил достаточно неопределенно: «Какие решения примет обком об этом районе, как там пойдут дела дальше, как вернутся личные судьбы героев... — все это нужно еще понаблюдать в жизни».

А дальше произошло то, что партия поддержала Мартыновых. Главы из «Районных будней» были перепечатаны «Правдой». Их обсуждали на политзанятиях, на партийных собраниях и пленумах партийных комитетов. Были приняты хорошие решения. Поднялось настроение у людей. Однако инициатива снизу, необходимость соблюдать социалистическую законность, социалистическую справедливость несовместимы с волюнтаризмом. Бюрократическая реакция не дала развернуться начавшейся было перестройке на селе да и в городе. Бюрократы перешли в наступление. Полетели со своих постов Мартыновы и Долгушины, а Опенкиных поприжали и экономически, и административно, чтоб не позволяли себе спорить с начальством, иметь свое собственное мнение, заниматься «самодеятельностью».

Горько переживал все это Валентин Владимирович. Горше некуда. Недаром в его «Районных буднях» куражился Борзов: «Рано ли, поздно ли... вспомнят Борзова! Позовут меня опять на большую работу!» Однако, когда дописывалась повесть В. Овечкина, так еще не произошло. Потому что она завершится с надеждой на будущее. И все же эта надежда обоснована: В. Овечкин великолепно показал, что борзовские методы руководства несовместимы с социалистической природой нашего общества, что они не могут не обостриваться застоём, упадком, депрессией как в области экономики, так и во всей жизни нашего общества. И уже потому они, рано или поздно, будут отвергнуты партией и народом.

«Борзов — районный, областной или же центральный — равно мешает нормальным производственным отношениям, действует не по законам социализма, а против них... Вот в этом и состоит общественное открытие Овечкина, как в типах Мартынова и Борзова — художественное...» — писал мне по этому поводу критик Геннадий Соловьев. А мои оппоненты видят в образе Мартынова и его соратников... «фантастику» и «утопию». И не понимают, что если оно было бы даже и так, Борзовы всех рангов за такую «утопию» не погладдили бы писателя по головке. Органический демократизм, внимание к человеку, социалистическая справедливость, подъем инициативы масс — для них как нож острый.

Чем же все-таки вызвано желание А. Стреляного и В. Варжапетяна отлучить «Районные будни» от идущей сейчас перестройки? Очевидно, легковесностью суждений; с чем в современной критике, к сожалению, мы не столь уж редко сталкиваемся. Вместе с тем — полной неосведомленностью о времени Овечкина, о литературе, посвященной «Районным будням». А самое главное — представлением будто пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы крашены одной черной краской...

В. Варжапетян позволяет себе снисходительно посмеяться над «наивной» верой В. Овечкина в силу печатного слова. Но так ли она наивна? Бюрократия всегда боялась правды, боялась гласности. Особенно страшна ей та правда, которая не сводится к одной критике, а заключает в себе конструктивные элементы. Именно потому так дружно обрушились в свое время на все творчество В. Овечкина, на его «Районные будни», на его драматургию, на его публицистику литературные подпевалы борзовых. Это было понятно. Но кто бы мог подумать, что с не меньшим ожесточением нападут на писателя люди, выступающие как сторонники перестройки? Нападут за то, что он изобразил реально существовавшее в действительности, но во что они «не верят». Современным «тайновидцам» (именно эстетический подход к «Районным будням» позволил А. Стреляному... расшифровать тайну «нового жанра», — сообщает В. Варжапетян) предлагают нашей литературе перешагнуть через Овечкина. Нелепо Чудовищно нелепо.

«Районные будни» В. Овечкина — одна из тех книг, которые подготавливали XXVII съезд партии, которые служили и служат делу происходящей сейчас перестройки. Ее бы, книгу эту, пропагандировать познергичнее да пошире. Несмотря на то, что она основана на жизненном материале уже пройденного нами отрезка времени, ее социальный, нравственный, человеческий, художественный потенциал в высшей степени современен. Не потому ли, несмотря на очевидные просчеты А. Буравского при инсценировке «Районных будней», спектакль «Говори...» в Театре имени М. Н. Ермоловой вызвал столь большой общественный резонанс?

Н. БАСКЕВИЧ

КУРСК

НАДО ЛИ

перешагивать

через Овечкина?

шеи гонят из партии, колхозники «прокатывают» плохого председателя и выбирают хорошего...». Стоп! Так вот, оказывается, в чем дело! Мои оппоненты, сформировавшиеся в шестидесятые, семидесятые годы, когда такое в самом деле стало редкостью, полагают, что в годы культа личности такого уж никак не могло быть. Однако обратимся к фактам. Писатель Федор Певнев, ездивший в 1952 году вместе с В. Овечкиным по районам Курской области, рассказывает о том, как колхозники на отчетно-выборном собрании прокатили председателя колхоза, известного, даже прославленного на Курщине. Овечкина озадачила эта новость, и он предложил: «А знаешь что, Федя, давай-ка рванем туда, только не в райком, а начнем этот узел распутывать снизу...».

В крестьянской хате, куда они попросились «обогреться» (дело было зимой), им объяснили: «Свихнулся мужик... А попервах яки голова була! Как дело наладал». Слова хозяйки подхватила его жена: «Вин людэй зайздыв. Даже стары люди, яки всю жизнь в колхоз поклали, и ти до його не подступяты. Нэма в ём человечества. Як бугай стал, только рог нэмае!». Потому-то отчетно-выборное собрание и винуло приговор: «На трэба нам такога!». А бывало и «наоборот», рассказывал Ф. Певнев В. Овечкину: «...В колхозе под Курском председатель не понаравился районным властям, решили его заменить, а колхозникам он — по душе. Трижды проводили собрание, но люди так и не дали в обиду председателя». И за зажим критики тогда — случилось — они, и на выборах в партийные комитеты негодных руководителей прокатывали (тогда в списки для голосования принято было вносить кандидатур больше, чем избиралось).

Нет, В. Овечкин не погрешил против истины, изображая такого рода вещи, сообразив читателям, что «Районные будни» написаны «почти с натуры».

Исследователь творчества В. Овечкина Н. Глушков, ныне доктор филологических наук, в свое время докладывал на собрании курских писателей об ольских им прототипах овечкинских героев. Валентин Владимирович, удивляясь дошности ученого, только головой покачивал. В образе Борзова, пишет Н. Глушков в своем исследовании «Особенности типизации в очерке (Из творческой практики В. Овечкина)», «в одном районе Курской области... сразу узнали тамшнего первого секретаря райкома партии Д...», которому пришлось расстаться и с должностью, и с партийным

ской». Есть в Мартынове немало и от первого секретаря Курганского райкома КПСС (на Кубани) И. К. Сероштана. В 1950 году писатель присутствовал на пленуме этого райкома, который проводился совсем «по-мартыновски»: «без длинного доклада, без нудных выступлений по бумажке — настоящий рабочий разговор...». Привнес в образ Мартынова В. Овечкин кое-что и от своей биографии. «Фактически достоверного, не вымышленного в «Районных буднях»... гораздо и гораздо больше, чем принято считать», — заключает Н. Глушков. Сказанное им, конечно, не отменяет большого обобщающего смысла «Районных будей» и их героев. Совсем не случайно слово «борзовщина» стало нарицательным.

«Что Борзов считает своей первойшей заслугой на посту первого секретаря райкома партии? «Умел держать район в страхе божем!..» — напоминает В. Варжапетян. — А Борзова страшил обком, обкому ума вкладывал ЦК. Такие были времена, такие нравы!»

Так оно было. Да и сейчас нельзя сказать, что не случается. Горькая это правда. Да только — не вся. Если же говорить о полной правде, то она заключается в том, что такие «нравы» всегда встречали себе противодействие, осуждались и в партии, и в народе, где прямо, откровенно, а где — и неприметно для стороннего глаза. На протяжении всей истории Советского государства мы встречаем с противоборством двух различных тенденций (и в методах руководства, и во всей жизни нашего общества): с одной стороны — ленинской, с другой — бюрократической, волюнтаристской, приказной. Тяжко нашему народу обошелся культ личности с его массовыми репрессиями, да и «волюнтаризм», администрирование сверху. Они несли огромный ущерб — военный, экономический, нравственный. И все-таки они не могли убить живой души народа. Ленинские идеи жили и живут в памяти и в сознании миллионов.

А в начале пятидесятых годов, вопреки культу личности Сталина, еще далеко не все было так зажатое, как в так называемые «годы застоя». Более того, антибюрократические настроения получили новый импульс благодаря фронтовикам, вернувшимся с войны: она научила тому, что самое важное — конечный результат, а не слепое подчинение инструкциям и указаниям «сверху». Шла борьба. Чем она закончилась, когда В. Овечкин писал о столкновении Мартынова с Борзовым, было ясно. Потому-то и свою первую главу